

УРАЛЬСКИЙ РАБОЧИЙ

Наш клуб «Собеседник»

ВЕЛИКИЙ МИР ЛЬВА ТОЛСТОГО

Продолжаются гастроли в Свердловске Малого театра СССР. В числе других работ коллектива в эти дни был показан и спектакль по пьесе И. Друцэ «Возвращение на круги своя» — о последних днях жизни Л. Н. Толстого, вызвавший большой интерес свердловской публики. Образ Л. Н. Толстого в этом спектакле, созданный народным артистом СССР, Героем Социалистического Труда И. В. Ильинским, вошел в число работ, за которые выдающийся актер был удостоен почетного звания лауреата Ленинской премии.

О путях постижения образа гения русской литературы, о встречах с толстовским творчеством — разговор нашего корреспондента с артистом.

— Игорь Владимирович, какие первые впечатления вашей жизни были связаны с личностью Л. Н. Толстого?

— Знакомство с Толстым началось у меня очень давно, в раннем детстве. Мне, пятилетнему мальчику, прочитали рассказ, вернее, басню в прозе «Старый дед и внучек» из «Первой русской книги для чтения», предназначенной специально детям. Если помните, это коротенькая история о том, как ребенок невольно пристыдил родителей за жестокое отношение к дряхлому деду. Она буквально пронзила меня, заставила впервые задуматься о том, как важно внимание, уважение к человеку, особенно в его старости. Острота детского впечатления не изгладилась до сих пор.

В нашей семье существовало настоящее преклонение перед Толстым. Читали его книги, много говорили о них, спорили. Наверное, это было характерно в то время для русских интеллигентных семей. Моя мать увлекалась толстовскими идеями, особенно в области воспитания, и даже применяла их на деле. Я очень благодарен ей и считаю, что многим хорошим в своем характере обязан этому влиянию. И сам, будучи отцом, а потом дедом, старался использовать лучшее из педагогического опыта матери.

Мы жили в Москве недалеко от хамовнического дома Льва Николаевича. Толстой был еще жив и бывал иногда в городе. Я не раз слышал, что родители собирались пойти взглянуть на него — хотя бы издали. Кажется, так и не вышло. И сейчас сильно жалею об упущенной единственной возможности — увидеть Толстого...

— А при каких обстоятельствах состоялась ваша первая творческая встреча с толстовским наследием?

— Любовь к Толстому прошла через всю мою сознательную жизнь. С годами она росла, крепла. Боль-

ше того: творчество Толстого постепенно становилось для меня самым близким во всей русской литературе. Все сильнее привлекала его исполинская личность. Понятно, что я как актер давно мечтал о том, чтобы попробовать себя в исполнении произведений Толстого. Но в театре много лет не доводилось встретиться с его образами.

Долго я не решался начать чтение Толстого с эстрады. Считалось, что моему амплуа больше соответствуют Зоценко, ранний Чехов и другой подобный репертуар. А я думал о лучших страницах «Войны и мира» — встреча с дубом, поле Аустерлицы, свидание Наташи с умирающим князем Андреем... Решил, однако, начать с «Истории Карла Ивановича» из «Отрочества». Было это в начале 30-х годов. Помню страх перед первым выступлением и ощущение полного провала после концерта. И все же я не бросил этого дела, продолжал работать, искать и, как видно, усилия эти не пропали. Во всяком случае, отрывок и поныне остается в моем репертуаре.

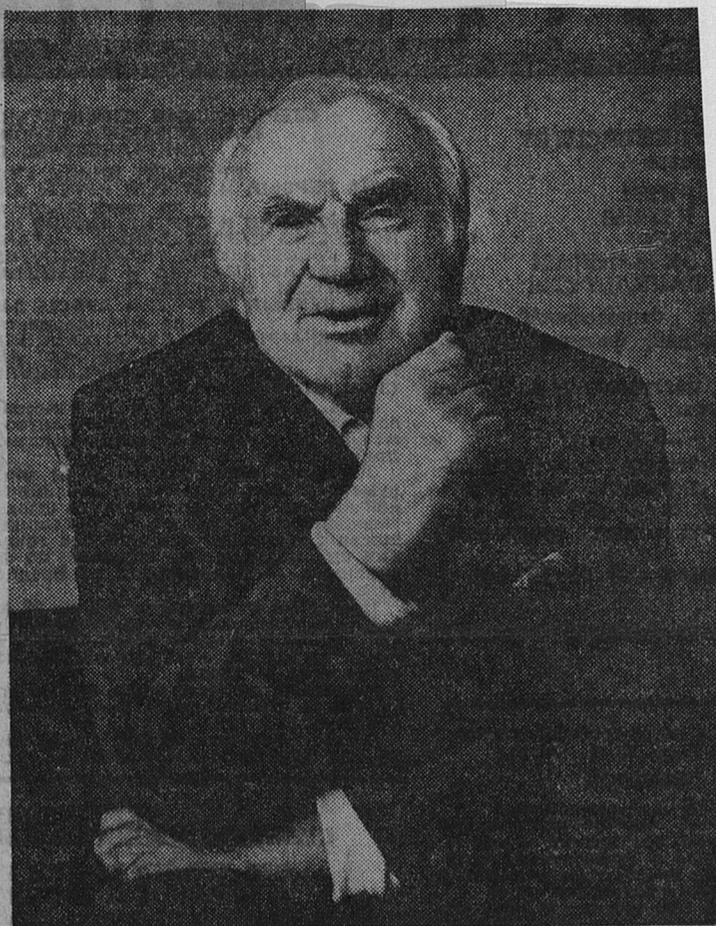
— Крупным влечением театральной жизни стал созданный вами образ Акима из спектакля Малого театра «Власть тьмы»...

— В этой работе мне больше всего помогла вера в Толстого, в его глубокую правду и справедливость утверждаемых им нравственных начал. Пока не пришло это абсолютное доверие к автору, было очень сложно разбираться в тонкостях роли. А потом я начал понимать, что любая мелочь в ней, даже самые, казалось бы, незначительные словечки Акима, вроде его знаменитых «тае» и «значит», несут очень важную смысловую нагрузку. Играя Акима, я стал испытывать наслаждение от того, что мог высказать толстовскую мысль, говорить как бы от имени Толстого. Ведь не раз замечалось, как близки многие суждения Акима мировоззрению его великого создателя.

Кстати, когда началась работа над образом Толстого в спектакле по пьесе Иона Друцэ, постановщик Б. И. Равенских убеждал меня, что опыт исполнения роли Акима должен теперь мне очень пригодиться. Наверное, режиссер был прав, стараясь таким образом помочь мне.

— Ваша последняя работа — образ самого Льва Толстого. Как вы готовили эту роль?

— Сложность работы была огромной. Были и колебания — смогу ли сыграть

такую роль. Они посещали меня не раз, и временами я даже помышлял об отказе. Теперь рад, что решимость все же превозмогла сомнения. Судьба подарила мне великое творческое счастье. В моей душе сохранилась глубочайшая благодарность Борису Ивановичу Равенских за его труд, заботу, помощь и веру в мои актерские и человеческие силы.

Конечно, в период работы я очень много читал — и самого Толстого, и воспоминания о нем. Бывал вместе с постановочной группой в Ясной Поляне и московских музеях, встречался со специалистами, изучающими жизнь и творчество Льва Николаевича. Слушал записи его голоса, подолгу рассматривал фотографии, смотрел старые киноленты, запечатлевшие облик писателя. Я уже хорошо знал его жесты, манеру поведения, многие черты внешней характеристики и все же на репетициях поначалу чувствовал какую-то сковывающую неправду в каждом своем движении. Вниманием задерживался на любой детали, я думал о мелочах, и это мешало двигаться к сути образа. Дело пошло успешнее, когда я начал искать верное внутреннее самочувствие в каждом эпизоде, а главное — постарался проникнуть в мысль Толстого и слиться с ней. Тогда-то появилась определенная свобода поведения, и я постепенно перестал замечать то, что мешало раньше.

Упомяну еще об одной сложности. Я очень опасался, играя Толстого, власть в назидательный, поучительный тон, как-то специально подчеркивать его мудрость, значительность и величие его личности. С другой стороны, полный отказ от этих моментов мог повести к мельчанию, снижению образа, искажению его смысла. Надо было балансировать между двумя крайностями, отыскивать особые актерские приемы.

— А какие мысли и чувства вашего героя оказались наиболее близки вам?

— Мне очень дорога одна из мыслей, звучащих в спектакле и создающих в определенном смысле драматургию центрального образа. Это толстовская мысль о том, что человек, проповедующий высокие нравственные принципы, должен сам неукоснительно им следовать. Известно, какие мучительные противоречия испытывал в этой связи Толстой, вынуждаемый обстоятельствами своей жизни к моральным компромиссам. Глубокий внутренний конфликт был среди причин его ухода из Ясной Поляны. Пьеса Друцэ и повествует об этом периоде жизни писателя.

Понятны, близки мне в Толстом его чувственное мировосприятие, любовь к физической труду, спорту, природе, животным. Труднее было воспринять некоторую суровую жесткость Толстого по отношению к близким, к семье. Это связано, в частности, в нашем спектакле с историей знаменитого завещания писателя, безвозмездно отдавшего право на издание своих сочинений всем, кто того пожелает...

— Спектакль «Возвращение на круги своя» принес вам исключительный успех и общественное признание. Газета «Правда» назвала антерским подвигом ваше выступление в образе Толстого. Что бы вам хотелось сказать в этой связи?

— Скажу только, что работа над ролью все еще продолжается — так же, как продолжается мое многолетнее общение с духовным миром Толстого. Но чувство первого удовлетворения я все же испытал, ибо, как говорит в спектакле Л. Н. Толстой, «изредка высшая истина проходила через меня». Может быть, я ошибаюсь, но последнее слово остается все же за зрителем.

Взял интервью
А. ВОЛЧАНСКИЙ.

На снимке: народный артист СССР Игорь ИЛЬИНСКИЙ.

Фото Ю. Подкидышева.